

УДК 355С. 13

UDC 355С. 13

07.00.00 Исторические науки

Historical sciences

**ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ В
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРИОД 1865 –
1906 гг.****FEATURES OF MILITARY SERVICE IN
WESTERN SIBERIA DURING 1865-1906**

Дубинин Виктор Олегович
к.ист.наук
доцент кафедры гуманитарных и социально-
экономических дисциплин
victord44@mail.ru
SPIN-код РИНЦ: 9725-2688

Dubinin Viktor Olegovich
Cand.Hist.Sci., Associate Professor of Humanitarian,
Social and Economic Disciplines
victord44@mail.ru
RSCI SPIN-code: 9725-2688

Печёнкина Анжелика Анатольевна
старший преподаватель кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин
apechenkina15@mail.ru
SPIN-код РИНЦ: 8381-8055
*Омский автобронетанковый инженерный
институт (филиал) Военной академии
материально-технического обеспечения имени
генерала армии А.В. Хрулева
Россия, 644098, г. Омск, 14 военный городок*

Pechenkina Angelika Anatolyevna
Senior Lecturer of Humanitarian, Social and Economic
Disciplines
apechenkina15@mail.ru
RSCI SPIN-code: 8381-8055
*Omsk Tank-Automotive Engineering Institute (branch)
of Khrulev Military Academy of Logistics
Russia, 644098, Omsk, 14 voennyi gorodok*

Несмотря на то, что округ за время своего существования менял свое название (Западно-Сибирский, Омский, Сибирский) в интересах изложения материала принято название – Сибирский военный округ. Хронологические рамки работы охватывают период с 1865 г. (дата образования Западно-Сибирского военного округа) по 1906 г., когда Сибирский военный округ был разделен на Омский и Иркутский округа. С учетом своеобразия условий Западной Сибири рассмотрены некоторые особенности прохождения военной службы в частях и военных учреждениях Сибирского военного округа именно в период 1865-1906 гг. Это особенности климата региона, особенности формирования офицерского состава округа, особенности его сословного состава, являющегося источником пополнения как личного состава уже сформированных частей и подразделений округа, так и мобилизационным ресурсом в случае начала войны, некоторые проблемы организации быта военных Западной Сибири. Особое внимание уделено проблемам воинского воспитания, организации службы и боевой подготовки войск Сибирского военного округа. Обозначена проблема низкого уровня грамотности как населения округа вообще, так и личного состава его подразделений и частей. Основная мысль и тезис публикации в том, что с давних времен и, в общем, по сегодняшнее время военной составляющей развития Западной Сибири государством уделяется недостаточное внимание

In spite of the fact that the name of the district during its existence was changed (Western-Siberian, Omsk, Siberian), the authors accepted the name “the Siberian military district” for the benefit of the material representation. Chronological frameworks of the article cover the period from 1865 (the date of the creation of the Western-Siberian military district) to 1906 when the Siberian military district has been divided up into Omsk and Irkutsk districts. The article considers some features of active service in military units and institutions of the Siberian military district during 1865-1906, in view of condition diversity in Western Siberia. They are the features of the regional climate, the features of the officer personnel formation in the district, the features of its class structure (which is a source of replacement of the organized units’ staff, district subunits and a mobilization resource in case of the war beginning) and some organization issues of the military’s everyday life in Western Siberia. The authors pay a special attention to the problems of character training, the organization of the service arm and the troop training in the Siberian military district. They also underline a low level of literacy among the district population and the staff of the district divisions and units. The main idea of the article is that the government has paid little attention to the military component of Western Siberia development from the earliest times up to now

Ключевые слова: ВОИНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ,
ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ, СИБИРСКИЙ ВОЕННЫЙ

Keywords: CHARACTER TRAINING, WESTERN
SIBERIA, SIBERIAN MILITARY DISTRICT,

Анализируя состав и оснащение войск в европейской части России и на территории Западной Сибири становится очевидным, что военное и государственное руководство страны не считали Сибирь важной территорией военного развития и обустройства. Концентрация военной мощи происходила на более важных для государства направлениях – западном и южном. Следует отметить, что подобная «стратегическая недооценка» военной значимости региона была свойственна и некоторым местным сибирским чиновникам. Например, член Совета Главного Управления Западной Сибири действительный статский советник Супруненко в своей служебной записке в июле 1874 г. отмечал, что «трудно ожидать, чтобы в Сибири понадобилось такое быстрое комплектование войск, при котором продление времени призыва могло иметь серьезное значение» [1]. Лучшие военные кадры, техника, вооружение неизменно направлялись на западные рубежи страны, где видели основной источник военной опасности. «Засидевшимся подпрапорщикам...если они как офицеры у места и дела, то единственно на восточной границе, но уж никак не на западной. Туда им дорога, этим троишникам, там им будет лучше» – считал военный теоретик А.Ф. Риттих [2, с. 68].

Современники так отмечали особенности сословий в Сибири: «Однако, сословия, составляющее это племя (сибиряков), во многом разнствуют ныне от сословий внутренней России и придают жизни сибирской много отличия от жизни русской. В Сибири потомственного дворянства нет: Купцы и мещане сибирские в образе жизни и понятиях не отличаются от чиновников и вовсе не похожи на русских купцов и мещан» [3, с. 44 – 45]. Собственно и формирование мещанского сословия в регионе

имело свои особенности, связанные с тем, что Сибирь являлась местом ссылки. Сибирское дворянство в основном было служилым, то есть уже проходило службу в офицерских должностях, либо в равнозначных классовых чинах. Материальное положение офицеров Западной Сибири может иллюстрировать следующий пример. Когда в 1868 г. начальник Окружного штаба генерал И.Ф. Бабков ходатайствовал у генерал-губернатора А.П. Хрущева о награждении подчиненных офицеров денежными наградами, тот высказал сомнение, что это является пренебрежением к орденам. Начальник штаба был вынужден мотивировать, что «представленные к наградам лица большей частью женатые и семейные и, не имея никакого состояния, находятся в очень стесненном состоянии. При таких условиях всякий вычет из жалования за пожалованный орден составляет для них прямое лишение» [4, с. 545]. Денежное обеспечение сибирских казачьих офицеров так же постоянно отставало от размеров выплат офицерам регулярной кавалерии. В течение 4-х лет нахождения «на льготе они вообще лишались денежного жалования». До 1870 гг. казачьи офицеры не имели права на получение пенсии по выслуге лет из государственного казначейства или войсковой казны после выхода в отставку, далее же до 1876 г. не имели права пользоваться эмеритальными кассами, что снижало величину пенсии [5, с. 212 – 213]. Потомственные земельные участки, на выдаче которых так настаивало государство, и которое становилось таким образом «удивительно подневольным землевладением» [6, с. 11], приносило мало дохода офицерам вследствие особенностей местной почвы и климатических условий. С 1887 г. – наделение потомственными земельными участками всех казачьих офицеров, получившими свой первый классный чин, все же прекратилось [7, с. 210].

Еще в более сложных условиях проходила служба нижних чинов. Так, в октябре 1875 г. военно-медицинский инспектор тайный советник

Гребский докладывал командующему округом, что главная причина развития «тифозной горячки» в частях округа «кроется в крайне неудовлетворительном состоянии казарм: они не просто ветхи, но и люди размещаются слишком тесно» [8]. Постельного белья у солдат не было, вместо него были так называемые «подстилочные принадлежности» [9]. Однако, необходимо отметить, что подобная ситуация не была чем-то исключительным. Даже в 1882 г. лишь 54 % всех полевых войск России имели собственные казармы. Прочие стояли либо в наемных зданиях (32 %), либо на «обывательских квартирах» (14 %). В 1898 году в казармах размещалось только 60,1 % войск а 33,6 % проживало в частных домах (казарменным порядком) и 6,3 % – на квартирах у граждан [10, с. 24]. Так после «осмотра северной части вверенного округа» Командующий Омским военным округом генерал от инфантерии Г.А. Колпаковский отметил, что помещения для нижних чинов Тюкалинской местной команды «ни в каком отношении не соответствуют своему назначению: тесны, грязны и до крайности ветхи», а в Ишимской местной команде только 60 человек были размещены казарменным порядком, «остальные люди расквартированы поодиночке на квартирах у самых бедных обывателей города и при том на окраинах его, что лишает начальство...возможности наблюдать за нравственностью людей и в основе подтачивают дисциплину» [11]. Ограниченность финансовых возможностей не позволяла разместить войска в казармах, создать учебные поля, что, несомненно, ухудшало боевую подготовку подразделений и частей.

Как и в регулярных сибирских частях, так и в казачьем войске проблема расквартирования войск до конца решена так и не была, что усугубляло тяжесть и без того нелегкой службы казачьих полков вдали от дома. В 1898 г. отмечалось, что 1-й и 2-й Сибирские казачьи полки, квартирующиеся в г. Джаркенте и пограничных постах Джаркентского уезда Семиреченской области расположены «не вполне удовлетворительно

в виду недостаточности казенных помещений и отвечающих своему назначению наемных помещений», а 3-й Сибирский казачий полк в г. Зайсане «расположен вполне удобно в казенных помещениях» [12, с. 9]. Кроме того, в отчетных документах по Сибирскому казачьему войску отмечалось, что благосостояние казачьих обществ значительно ослабевается сборами и мобилизационными мероприятиями. Еще в 1878 г. статистики войска обращали внимание на то, что в результате специфического режима службы казачьих подразделений «... ежегодная потеря рабочей силы ... составит 5100 человек» и «цифра эта относится к мужскому населению войска как 1/9, тогда как ежегодно содержащая регулярная армия относится к мужскому населению России как 1/58», «...к тому же очередная служба, отвлекающая казака от дома и от хозяйства на несколько лет...не может не усилить равнодушия к семейному очагу и домовитости» [13, с. 95, 163]. Длительный отрыв казаков от родных мест, постоянные переходы, «жизнь в седле» ослабляли чувства так называемого «местного» патриотизма позволяли проявляться ощущениям непостоянства в жизни, подобия «перекати-поля».

Отсутствие денег заставляло казаков по окончании сборов расплачиваться с местным населением даже предметами обмундирования. «Так как большинство не имеет денежных средств, то питается во время сборов сухарями с водой и кирпичным чаем», «вышесказанное приводит к заключению, что ...быт казаков оставляют желать еще многого» – докладывал в 1878 г. Императору Наказной атаман войска, он же командующий войсками Западного Сибирского военного округа генерал-адъютант Н.Г. Казнаков [14, с. 23-24]. Так, в конце ноября 1885 г. командующий войсками округа был вынужден признать, что «по неимению денежных средств и бедности казачьих обществ» не может быть назначено вознаграждение священникам за преподавание в поселковых и станичных школах закона Божия [15, с. 102].

Источником пополнения казачьих войск, в некоторой степени, также являлось местное население Сибири, а также переселенцы. Еще по положению 1846 г. в состав казачьих войск были зачислены крестьянские деревни [13, с. 21]. Ф.Н. Усов отмечал, что «поступают в казачье звание обыкновенно проживающие в казачьих поселениях отставные солдаты и солдатские вдовы с семействами, разные люди податных сословий, поселенцы из сосланных, киргизы принявшие православие и т.п. Понятно, что от принятия в свой состав таких элементов, войско ничего не выигрывает ни в умственном, ни в экономическом отношении» [13, с. 85].

Кроме того, как и у новобранцев регулярных войск Сибирского военного округа, в этот период в Сибирском казачьем войске отмечается низкий уровень грамотности. Так, в 1878 г. современник отмечал, что «большинство казаков неграмотные и не понимают общественных интересов», а семипалатинский губернатор докладывал, что «число грамотных уменьшается. В целых поселениях едва находятся два или три человека, исключительно стариков, умеющих подписать свое имя, женщины безграмотны поголовно» [13, с. 127, 164]. Так же, серьезной проблемой стало отсутствие достаточно подготовленных педагогических кадров, потому что для преподавания в мужских станичных и поселковых школах преимущественно нанимались малограмотные казаки, которые не в состоянии обучить чтению письму даже в течение двух – трех лет. Войсковой наказной атаман в отношении № 8658 от 29 ноября 1885 г. указал, что при осмотре подчиненных ему войск «он имел случай убедиться в крайне неудовлетворительном состоянии школьного дела в станицах и поселках Сибирского казачьего войск, как со стороны специальной педагогической, так и в отношении материальной необеспеченности» [15, с. 102].

«Вообще после упразднения войскового училища, в течение длинного ряда лет, нельзя заметить каких-либо мероприятий и серьезной

заботливости к улучшению народного образования у казаков» – отмечали современники [13, с. 146]. Однако принимаются определенные меры с целью совершенствования системы подготовки офицерских кадров для Сибирского казачьего войска. Так для облегчения поступления детей казаков в Сибирский кадетский корпус создается специальный подготовительный пансион, выделяется квота на поступление казаков в Оренбургское юнкерское училище, с 1878 г. принимается решение об обязательном возврате выпускников военных училищ назад в войско и т.п. Благодаря принятым мерам на 1 января 1893 г. доля казачьих офицеров, получивших военно-училищное образование достигла 39,34 %, а не имеющих никаких аттестатов только 0,25 %, что было значительно лучше, чем в регулярных войсках округа [16].

Немаловажным фактором, определявшим особенности службы в регионе, был отрыв личного состава от выполнения функциональных задач и боевой подготовки, а, следовательно, и от всяческого воспитательного воздействия. Так еще в 1867 г. после инспекторского осмотра войск командующий войсками округа генерал А.П. Хрущов отметил: «В особенности я нашел неудовлетворительными рассыпной строй, цельную стрельбу на 200-400 шагов и грамотность, которыми войска или вовсе не занимались или же если и занимались, то весьма мало. Причину этого следует искать ... в тех совершенно исключительных условиях, которыми так невыгодно обставлена служба здешнего солдата. И, действительно, ..., охранение нашей государственной границы с Западным Китаем, содержание большего числа караулов, домашний расход людей, конвойная служба и так называемые кордонные работы требуют весьма много людей и до такой степени занимают нижних чинов, что обучение гимнастике, фехтованию, цельной стрельбе или грамотности представляют большие затруднения...» [17, с. 44]. Начальник штаба округа генерал-лейтенант И.Ф. Бабков, вспоминая о неудачном исходе боя 30 мая 1869 г. при

нападении «кызыл-аянов» на Зайсанский пост, одной из основных причин отсутствия успеха считал то, что «войска, составлявшие Зайсанский пост находились большей частью в отсутствии: на рубке леса в 20 верстах от поста и на других кордонных работах» [4, с. 428].

С 1880 г. до 2-х рот 1-го Западно-Сибирского линейного батальона ежегодно командировалась в «передовые отряды» [18, с. 18]. Помощник начальника штаба Омского военного округа генерал-майор Акерман, проверяя 20 и 21 июля 1894 г. Тарскую местную команду (начальник команды подполковник Панфилов), установил, что из 118 человек по списку на инспекторский осмотр представлено только 43 человека, из остальных больных – 6, в командировках для сопровождения арестантов – 35 человек, в караулах – 22 человека, в домашнем расходе – 9 человек, «слабых при команде – 3 человека». Аналогичная ситуация сложилась в Ялуторовской местной команде. Из 235 человек здесь было представлено – 75, в командировках для сопровождения арестантов – 87 человек. В Тюменской пароходно-конвойной команде из 100 человек личного состава было представлено только 24, в командировках для сопровождения арестантов находилось 60 военнослужащих [19].

В Омском, Иркутском и Приамурском военных округах в рассматриваемое время доля наряда для гражданского ведомства существенно преобладала над нарядом для военного ведомства. Так, на 1 января 1884 г. наряд на нужды гражданского и военного ведомства составлял: Омский военный округ – 1030 человек и 757 человек, Иркутский – 1138 человек и 139 человек, Приамурский – 1422 человек и 465 человек; на 1 января 1890 г. наряд на нужды гражданского и военного ведомств составил: Омский военный округ – 611 человек и 401 человек, Иркутский – 298 человек и 91 человек, Приамурский - 494 и 432 человек соответственно [20, с. 43].

Важнейшей причиной, которая в европейских округах вела к сокращению нарядов для гражданского ведомства, являлось учреждение тюремной стражи. Так учреждение тюремной стражи привело к ликвидации к 1889 г. караульного наряда в 323 городах. В западных округах в 1889 г. доля наряда на нужды гражданского ведомства сократилась до 13 %, тогда как в восточных округах она составляла 52 % [20, с. 44]. В 1898 г. в Омском округе ежедневно в караулы назначалось 1094 нижних чинов, в том числе для охраны тюрем 714 человек, войсками округа в этом году было сопровождено 139520 арестантов [17, с. 109]. Вследствие этого солдаты сибирских частей, которые привлекались для обеспечения конвоирования, находились «долгие дни в обществе арестантов, которых сопровождали, отсутствовали в ротах по месяцу, вне надзора своего непосредственного начальства, не только забывали пройденное в ротах, но и нравственно портились» [21, с. 47].

Немало сил у войск и начальников отнимали войсковые мастерские, артели и так называемые «вольные работы». Кроме того, из строевых рот назначались денщики не только для офицеров своей части, но и для офицеров, генералов и военных чиновников управлений округа. Высокопоставленные офицеры практически не занимались воспитанием этих военнослужащих. От неугодных денщиков и нестроевых нижних чинов начальники отделов избавлялись, просто переводя их в войска, на что в приказании от 13 февраля 1887 г. с негодованием обращает внимание начальник штаба округа. Уже в период мобилизации в преддверии боевых действий с Японией в 1904 г. в Барнаульском резервном батальоне из 576 нижних чинов в командировках, конвое и «при штабах в Омске» находилось 203 человека и еще 48 человек в «казенной прислуге» [22, с. 3].

Подобные негативные в целом реалии ставили вопрос перед руководством округа о необходимости принимать действенные компенсирующие решения. Однако решить все накопившиеся проблемы

не удалось. События русско-японской войны показали недостаточную подготовленность сибирских частей, принявших участие в боевых действиях, как в вопросах боевой подготовки, так и военно-технического оснащения. Кроме того, подобные примеры являлись своеобразным предупреждением государственному и военному руководству о необходимости повышения эффективности воспитательной работы в войсках, более пристального внимания к восточным рубежам. В заключение следует отметить, что и в настоящее время в условиях открытой информационной войны против России и ее государственных структур, изучаемая проблема не теряет своей актуальности.

Библиографический список

1. ГИАОО. Ф.3. Оп.8. Д.11855. Л. 23.
2. Риттих, А. Ф. Русский военный быт в действительности и мечтах / А. Ф. Риттих // Военно-исторический журнал. – С. 68.
3. Гончаров, Ю. М. Сословный состав городского населения Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. / Ю. М. Гончаров // Города Сибири XIX – конца XX вв. – Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2001. – С. 44 – 45.
4. Бабков, И. Ф. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири 1859-1875 гг. / И. Ф. Бабков. – СПб.: тип. В.Ф. Киршбаума, 1912 г.
5. Андреев, С. М. Материальное положение офицеров в Сибирском казачьем войске / С. М. Андреев // Катанаевские чтения – 98. Материалы докладов 2 всероссийской конференции. – Омск: изд-во ОмГПУ, 1998. – С. 212 – 213.
6. Катанаев, Г. Е. Офицерство и рядовое казачество наше / Г. Е. Катанаев. – Омск, 1918. – С. 11.
7. Андреев, С. М. Численность и социальный состав владельцев офицерских земель в Сибирском казачьем войске (середина XIX – начало XX вв.) / С. М. Андреев // Катанаевские чтения – 98. Материалы докладов 2 всероссийской конференции. – Омск: изд-во ОмГПУ, 1998. – С. 210.
8. Приказ по войскам Западно-Сибирского военного округа 1875 г. № 179.
9. Приказание по войскам Западного Сибирского военного округа № 35 от 20 марта 1878 г.
10. Чиненный, С. А. Развитие патриотизма нужно прежде всего для победы / С. А. Чиненный // ВИЖ № 2. 2001. – С. 24.
11. Приказ по войскам Омского военного округа № 161 от 9 октября 1887 г.
12. Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1898 г. Ч. 2 – Омск: Типография штаба Сибирского казачьего войска, 1899. – С. 9.
13. Усов, Ф. Н. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. Издание Главного управления иррегулярных войск / Ф. Н. Усов. – СПб.: Типография департамента уделов, 1879.
14. Всеподданнейший отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1878 г. Ч. 2. – Омск: Типография штаба Сибирского казачьего войска, 1879. – С. 23 – 24.

15. Тобольские Епархиальные ведомости. № 9. 1 мая 1885 г.
16. РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 796. Л. 20-25.
17. Копылов, В. А., Милухин, В. П., Фабрика, Ю. А. Сибирский военный округ. Первые страницы истории. – Новосибирск: тип. СО РАН, 1995.
18. Доброхотов, П. Краткий очерк жизни и деятельности 1-го Западно-Сибирского линейного батальона за период с 1831 по 1893 г.г. – Б.м. и г.
19. ГИАОО. – Ф.67. – Оп.2. – Д.1790. – Л.128.
20. Всеподданнейший отчет о действиях военного министерства за 1889 год. – СПб., 1891. – С.43.
21. Фукин, Н. М. История 10-го пехотного Сибирского резервного Омского полка 1865-1907 гг. / Н. М. Фукин. – Омск: тип. К.И. Демидовой, 1907.
22. Приказание по войскам Западного Сибирского военного округа № 81 от 15 июля 1878 г.
23. Белоусов, И., Добротин, С. Ф. Журнал военных действий 12-го пехотного Сибирского Барнаульского полка с 2-го февраля 1904 по 1 января 1905 г. – М.: тип. «Печатня С.П. Яковлева», 1906.

References

1. GIAOO. F.3. Op.8. D.11855. L. 23.
2. Rittih, A. F. Russkiy voenny byt v deystvitel'nosti i mechtah / A. F. Rittih // *Voенно-istoricheskiiy zhurnal*. - S. 68.
3. Goncharov, Yu. M. Soslovny sostav gorodskogo naseleniya Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX - nachale XX vv. / Yu. M. Goncharov // *Goroda Sibiri XIX - kontsa XX vv.* - Novosibirsk: Institut istorii SO RAN, 2001. - S. 44 - 45.
4. Babkov, I. F. Vospominaniya o moey sluzhbe v Zapadnoy Sibiri 1859-1875 gg. / I. F. Babkov. - SPb.: tip. V.F. Kirshbauma, 1912 g.
5. Andreev, S. M. Material'noe polozhenie ofitserov v Sibirskom kazach'em voyske / S. M. Andreev // *Katanaevskie chteniya* - 98. Materialy dokladov 2 vserossiyskoy konferentsii. - Omsk: izd-vo OmGPU, 1998. - S. 212 - 213.
6. Katanaev, G. E. Ofitserstvo i ryadovoe kazachestvo nashe / G. E. Katanaev. - Omsk, 1918. - S. 11.
7. Andreev, S. M. Chislennost' i sotsial'nyy sostav vladel'tsev ofitserских zemel' v Sibirskom kazach'em voyske (seredina XIX - nachalo XX vv.) / S. M. Andreev // *Katanaevskie chteniya* - 98. Materialy dokladov 2 vserossiyskoy konferentsii. - Omsk: izd-vo OmGPU, 1998. - S. 210.
8. Prikaz po voyskam Zapadno-Sibirskogo voennogo okruga 1875 g. № 179.
9. Prikazanie po voyskam Zapadno-Sibirskogo voennogo okruga № 35 ot 20 marta 1878 g.
10. Chinenny, S. A. Razvitie patriotizma nuzhno prezhde vsego dlya pobedy / S. A. Chinenny // *VIZh* № 2. 2001. - S. 24.
11. Prikaz po voyskam Omskogo voennogo okruga. № 161 ot 9 oktyabrya 1887 g.
12. Otchet o sostoyanii Sibirskogo kazach'ego voyska za 1898 g. Ch. 2 - Omsk: Tipografiya shtaba Sibirskogo kazach'ego voyska, 1899. - S. 9.
13. Usov, F. N. Statisticheskoe opisanie Sibirskogo kazach'ego voyska. Izdanie Glavnogo upravleniya irregulyarnykh voysk / F. N. Usov. - SPb.: Tipografiya departamenta udelov, 1879.
14. Vseподданнейший отчет о состоянии Sibirskogo kazach'ego voyska za 1878 g. Ch. 2. - Omsk: Tipografiya shtaba Sibirskogo kazach'ego voyska, 1879. - S. 23 - 24.
15. Tobol'skie Eparhial'nye vedomosti. № 9. 1 maya 1885 g.

16. RGVIA. F. 1. Op. 2. D. 796. L. 20-25.
17. Kopylov, V. A., Milyuhin, V. P., Fabrika, Yu. A. Sibirskiy voennyi okrug. Pervye stranitsy istorii. - Novosibirsk: tip. SO RAN, 1995.
18. Dobrohotov, P. Kratkiy ocherk zhizni i deyatelnosti 1-go Zapadno-Sibirskogo lineynogo batal'ona za period s 1831 po 1893 g.g. - B.m. i g.
19. GIAOO. - F.67. - Op.2. - D.1790. - L.128.
20. Vsepoddanneyshiy otchet o deystviyah voennogo ministerstva za 1889 god. - SPb., 1891. - S.43.
21. Fukin, N. M. Istoriya 10-go pehotnogo Sibirskogo rezervnogo Omskogo polka 1865-1907 gg. / N. M. Fukin. - Omsk: tip. K.I. Demidovoy, 1907.
22. Prikazanie po voyskam Zapadnogo Sibirskogo voennogo okruga № 81 ot 15 iyulya 1878 g.
23. Belousov, I., Dobrotin, S. F. Zhurnal voennykh deystviy 12-go pehotnogo Sibirskogo Barnaul'skogo polka s 2-go fevralya 1904 po 1 yanvarya 1905 g. - M.: tip. «Pechatnya S.P. Yakovleva», 1906.